

Кремлевские курсанты, верные славным традициям русской гвардии, — кремлевцы, гвардейцы — не отступают, а направляются на фронт защищать подступы к Москве. Еще наивен и неопытен со — всем юный лейтенант Алексей Ястребов, он не может увязать свои довоенные представления о том, как должна вестись война, с тем, что пришлось увидеть и испытать на деле, «...в его душе не находилось места, куда улеглась бы невероятная явь войны». Однако за немалым коротким сроком — всего несколько дней — эта «невероятная явь» — нехватка вооружения, встреча с окруженцами, ужас смерти — становится реальностью, и в этой обстановке к Алексею приходят жестокий жизненный опыт.

Психологически автор так точен, что я почти физически ощутил переживания героя, когда стремится он подражать своему идеалу — командиру роты Рюшину, и когда, отдавая приказ, вглядывается он в лица курсантов, чтобы почувствовать, испытывают ли они при нем то «облегчающее чувство безотчетной надежды, которое сам он ощущал от присутствия здесь старших», и когда, преодолев нахлынувший ужас при первом минном обстреле, находит Алексей какую — то новую, же — стокую силу: «Он уже знал, что и как ему делать с собой в случае нового обстрела, и знал, что прикончит любого, кто как он сам, потерял себя хоть на секунду...». Их капитан, опытный военный, которому они по — детски доверяли, догадавшись об окружении и предчувствуя страшный исход, даст им испытать радость победы в ночном бою, чтобы они успели побыть теми, кем готовились стать — молодыми удачливыми героями, прекрасными солдатами, — прежде чем их механически, с ленивым равнодушием перебьют, смешают с землей са — молеты и танки.

...Растерзанная фашистами, гибнет рота кремлевцев. Гибнет до прозрения их безысходности, оставив это странное понимание своему капитану, нашедшему мужество выстрелить в себя, потому что для таких людей идея не может быть обещана, и лейтенанту Ястребову, который выйдет из боя уже не зеленым юношей, а повзрослевшим бойцом, пережившим за пять дней столько, что хватит на всю жизнь. Солдатская честь в лейтенанте сохранилась, но лучшее, драгоценное — молодая воля и вера — убиты вместе с его взводом и остались там, под Москвой. «...им владело одновременно несколько чувств, одина — ково равных по силе, — оторопелое удивление перед тем, чему он был свидетелем в эти пять дней, и тайная радость оттого, что остался

жив; желание как можно скорее увидеть своих и безотчетная боязнь этой встречи; горе, голод, усталость и ребяческая обида...».

До боли, до слез я ощутил трагедию гибели роты. Судьба этих мальчишек — судьба поколения, от имени которого Сергей Орлов сказал:

А мы такую книгу прочитали...

Не нам о недочитанных жалеть.

В огне багровом потонули дали.

И в памяти остались пламенеть... -

Заставила меня взглянуть другими глазами. Я почувствовал глу — боую правдивость повести и вместе с тем свою ответственность перед нашими отцами и дедами, мертвыми и живыми. Мы нахо — димся перед ними в неоплатном долгу.

Перелистывая страницу за страницей, я вдруг изумился от вне — запного открытия: ведь проскальзывают не только слова нашего кур — ского говора («жаркий кизяк», «сине — черный глянец», «древний сторожевой курган на подходе к селу»), но оказывается, что и сама образная система, сопутствующая действию звуков, запахов, и пей — зажные фоны во многих его вещах тоже наши, лесостепные, южно — русские («День тогда выдался прямо как наш курский: теплынь, сол — нышко...»). И не чудо ли, если эти вот простенькие поля и перелески глубинной России на всю творческую жизнь снабдили художника щедрой и неувядаемой палитрой.

Художественной особенностью повести Воробьева, как мне ка — жется, является насыщенность ее напряженными, часто мучитель — ными размышлениями о добре и зле, о чувстве вины и возмездии, унижении и достоинстве (вспомним эпизоды ночного боя, дезертир — ства). Яркость языка писателя рождает в нас чувство сопереживания, веры в душевные силы героя. Повесть обострила чувство памяти, не дающей на забвение. Свободинский мемориальный комплекс имени К. К. Рокоссовского. Вглядываюсь в потемневшие лица людей с орденами и задаю себе вопрос: они ли это, Господи? Их ли юность была поставлена в такие условия: война с громоздкими винтовками против самолетов и танков, обреченность на истребление, плен, бараки, голодные смерти, вымирание тысяч? И неожиданно нашел ответ у самого Воробьева: Они! Все это они — идущие до последнего и не теряющие веры, неодолимые даже при всем знании своей обречен — ности. Эта повесть — художественный памятник «навек девят —